

Хроника международной научной конференции «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА», посвященной 80-летию В.П. Григорьева.

Куратор проекта: д.ф.н. Н.А. Фатеева (ИРЯ РАН)

Оргкомитет конференции: акад. Ю.С. Степанов (ИЯЗ РАН), акад. М.Л. Гаспаров (ИРЯ РАН), д.ф.н. Н.А. Фатеева (ИРЯ РАН), проф. Н.А. Николина (МПУ), к.ф.н. О.И. Северская (ИРЯ РАН)

Конференция проводилась 19-22 мая 2005 года в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-04-14031г

Международная научная конференция «Художественный текст как динамическая система», посвященная 80-летию В.П. Григорьева, проходила в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН 19-22 мая 2005 года. Конференцию приветствовал директор Института, чл.-корр. РАН А.М. Молдован. Он напомнил, что традиция организации научных конференций по лингвистической поэтике имеет глубокие корни. Еще в конце 1980-х-начале 1990-х годов Отдел стилистики и языка художественной литературы ИРЯ РАН провел несколько конференций, в ходе которых обсуждались ключевые вопросы описания поэтического языка и индивидуальных поэтических систем. В 2001 году традиция проведения такого рода конференций была возобновлена уже на более широком международном уровне. В апреле 2001 года в ИРЯ РАН прошла международная конференция «Текст. Интертекст. Культура», в которой приняли участие ведущие ученые из России и зарубежных стран. 16-19 мая 2003 г. в ИРЯ РАН состоялась международная научная конференция-фестиваль «Поэтический язык рубежа XX-XXI веков и современные литературные стратегии», которая проводилась совместно с Институтом языкознания РАН, Московским педагогическим государственным университетом и Государственным центром современного искусства. Настоящая конференция «Художественный текст как динамическая система» посвящена 80-летию В.П. Григорьева — ученого, который наметил новые подходы в изучении «поэтики слова». А.М. Молдован подчеркнул, что хотя изучение литературного текста имеет длительную историю, проблема «Художественный текст как динамическая система» в качестве заглавной темы конференции ставится впервые. Директор обратил особое внимание на то, что в конференции принимают участие ученые из 11 стран мира. Он пожелал всем участникам плодотворной работы, а главное, найти «общий язык» при разрешении проблем, касающихся поэтического языка и художественного текста; последнее, по его мнению, невозможно без заинтересованного отношения к идеям и работам друг друга.

Затем академик РАН Ю.С. Степанов (ИЯЗ РАН) открыл первое заседание дня «**Язык и знание о художественном тексте**». Первым был зачитан доклад д.ф.н. В.И. Новикова (МГУ) «Роман с языком в поэзии и науке (В.В. Хлебников, М.В. Панов, В.П. Григорьев)», в котором была высказана мысль, что работа большого филолога — это роман с языком. По мысли В.И. Новикова, вдохновленные опытом Хлебникова, М.В. Панов и В.П. Григорьев смогли смело заглянуть в будущее языка, поэзии и науки, неустанно опровергая ложь эстетического консерватизма. Вторым Ю.С. Степанов объявил свой собственный доклад «**Семиотика как дискурс, как жанр, как индивидуальный литературный стиль**». Докладчик применил «классический» прием семиотики — выделил ключевое слово в заглавиях докладов, объявленных в программе конференции. А именно, он обнаружил, что 12 из них содержат союз «как»: ср. Северская О.И. «Поэтическое эссе как жанр...», Степанов Ю.С. «Семиотика как дискурс, как жанр, как индивидуальный литературный стиль», Фатеева Н.А. «Синтез форм текста как прием» и т.п. Академик заметил, что в семиотике начиная с античности «знак» определялся как «Нечто, что стоит *вместо* чего-то другого». Но современная семиотика — это не «учение о

знаках», это «учение и действие в семиозисе — в художественном творении и в науке о нем». «Саму открывающуюся конференцию, — заключил Ю.С. Степанов, — я рассматриваю как явление, как *акт художественно-научного действия в культуре*».

В докладе профессора **С. Валянтаса** (Шяуляй, Литва) **«Полилингвистическая природа поэтического произведения»** была выдвинута и доказана гипотеза об особом полилингвизме в поэзии. Обсуждаемый полилингвизм целесообразно, по мнению Валянтаса, подразделить на две разновидности: на *древний* (противопоставление «язык» и «другой язык» в пределах *одного языка*) и *новый* (в тех случаях, когда в процессе участвуют *несколько* современных языков). Затем выступила к.ф.н. **О.И.Северская** (ИРЯ РАН) с докладом **«Поэтическое эссе как жанр: от поэзии к "научной прозе"»**. Она отметила, что эссе получает сегодня значительное развитие *как жанр*. Особенностью современного эссеизма, является, по ее мнению, стремление дать определение всему, что представляет эстетическую ценность как для поэтики вообще, так и для индивидуальной художественной системы. Поэтому авторы современных "опытов" часто придают эссе видимость научности: слово, эссеистически осмысленное, превращается в термин, причем терминологизируются самые обычные слова. Кроме того, сказала О.И. Северская, эссе сегодня смело можно назвать не только прозаическим, но и поэтическим произведением; иногда эссе перерастает рамки поэзии и прозы и собственно текста, превращаясь в метатекстовое построение. Завершил первое заседание доклад профессора **С.И. Гиндина** (РГГУ) **«Языковая критика, уроки русской поэтики и лингвистическая утопия»**. Выступающий отметил, что именно В.П. Григорьев, которому посвящена настоящая конференция, в 1970–80-е годы являлся едва ли не единственным наследником заложенной лингвистами первой половины XX в. традиции публичного обсуждения жизни языка на страницах массовой печати. Затем С.И. Гиндин рассмотрел статьи ученого по языковой критике и выделил применявшиеся в них методы представления и анализа языковых фактов. В заключение была подробно проанализирована теоретическая концепция языковой критики в ее соотношении с другими разделами филологии, которая изложена В.П. Григорьевым в его монографии «Поэтика слова» (1979).

Второе заседание **«Художественный текст в исторической перспективе»** началось с доклада д.ф.н. Е.В. Маркасовой (Санкт-Петербург) **«Парономазия от Макария до Григорьева: история термина и современные возможности интерпретации»**. В нем были раскрыты основные особенности бытования этого термина в русской риторической и (позднее) лингвистической традиции. Возможность использовать терминологический аппарат старых риторик возникает уже в XX веке для описания распространившихся в современном русском языке стилистических "куриозов". В литературе и разговорном языке появляется новый тип парономазии, которую можно определить как парономазию с нулевым компонентом в пресуппозиции: ср. "заумчивое выражение лица" < "заумь+задумчивый". Такое восприятие распространившегося во второй половине XX в. явления дает возможность включить его в контекст "паронимического учения" от Макария до В.П.Григорьева. В докладе д.ф.н. **Д. М. Поцепни** (Санкт-Петербург) **«Словарь языка русской поэзии XX века» и история поэтического языка»** было отмечено, что лежащий в основе «Словаря языка русской поэзии XX века» принцип конкорданса обуславливает особую ценность этого лексикографического труда как источника для создания истории поэтического языка, и в частности, истории такой важной категории слов, как поэтизмы. Анализ наиболее частотных из них на фоне поэтической традиции XIX века выявил характерные тенденции в использовании этого типа слов в поэзии XX века: расширение их поэтической референции, включение в новые типы образных контекстов, изменение синтагматических связей и как результат — сдвиги в поэтической семантике. Подобные преобразования позволяют охарактеризовать поэтизм как динамическую категорию.

Профессор **Вроон Р.** (Лос-Анджелес, США) в докладе «**О динамичности лирического цикла**» заметил, что изучение русского лирического цикла ставит перед исследователем любопытную проблему: он стал восприниматься как литературный факт только на рубеже XX в., тогда как в литературных традициях других европейских стран возникает определенный метаязык для описания подобных явлений намного раньше — в XVI в. в Англии, например, или в XVIII в. в Германии. Можно ли вообще говорить о "циклических образованиях" в русской литературе в периоды, когда они ни терминологически, ни концептуально не осознаны? По мнению многих ученых, лирический цикл как жанровое образование возникает только у символистов, которые развивают метаязык для описания этого явления. Но тогда как объяснить публикацию в более ранние периоды подборок стихотворений, которые обнаруживают не только тематическое единство, но и строгую архитеконику? Ответ на этот вопрос, по мнению Вроона, лежит в раскрытии определенных поэтических форм и риторических фигур, которые могут порождать поэтические ансамбли. В самый ранний период русской поэзии такие формы включают ряды литургических песнопений и библейских стихов, объединенные в неменяющиеся группы или известные жанры (канон, акафист, трипесенец и шестопсалмие). В XVIII в. возрастающая значимость риторики в литературной жизни России приводит к применению известных фигур — силлогизма, разговора, энтимемы, дилеммы — как конструктивных принципов при формировании самых элементарных циклов. Они и дают ту необходимую концептуальную основу для создания лирических циклов задолго до того, как сам термин "цикл" входит в оборот для обозначения группы стихотворений, которые обнаруживают определенную целостность.

В докладе к.ф.н. **О.В. Евтушенко** (МГЛУ) «**Двести лет любовного дискурса**» была дана сравнительная характеристика узлов описания физиологической, психологической и ментальной сферы человека и способов их языкового представления в любовных романах Карамзина, Бестужева-Марлинского, Бунина, Улицкой и др.

Первое вечернее заседание «**Внутренняя противоречивость текста и динамика его формы**» открыл его председатель, д.ф.н. **В.З. Демьянков** (ИЯЗ РАН, МГУ). Он выступил с докладом «**Можно ли измерить динамику нарратива?**» В начале докладчик определил, какие элементы текста он считает динамизаторами. Это частицы типа *да/нет*, вводные слова типа *вдруг*, дающие приращение динамике повествовательного текста, что диктуется не только системой языка, но и стандартами речи, варьирующимися от культуры к культуре, от одного жанра текста к другому. Рассмотрение большого многоязычного корпуса текстов показывает, отметил В.З. Демьянков, что разные национальные традиции прибегают в разной степени часто к разным техникам драматизации текста. Варьируется это употребление и от автора к автору. Так, в философских произведениях А. Шопенгауэра утвердительно *ja* встречается значительно чаще, чем *nein*; а в произведениях Ф. Ницше эти частицы употребляются одинаково часто. В англоязычных философских произведениях эти частицы употребляются значительно реже, чем в среднем в немецких. У французских философов употребительность данных элементов еще ниже, и они встречаются в произведениях, по жанру близких к художественным. Интересно, что в философских сочинениях, написанных по-русски, превалирует *нет*, что говорит о высоком накале скрытой драмы – драмы познания.

Д.ф.н. **Н.А. Фатеева** (ИРЯ РАН) в своем докладе «**Синтез форм текста как прием**» обратила внимание на то, что нередко формы, переходные по оси «стих-проза», являются особо подвижными с точки зрения коммуникативной организации текста. Чаще всего подобные структуры фиксируют диалогическую ситуацию между «Я» и «не-Я», которая одновременно воспроизводит момент отделения «голоса» или «глаза» («зрения») от тела. Для текстов подобного типа встает вопрос о том, какая форма его существования

первична: звуковая (стихотворная) или письменная (прозаическая) и насколько письменная фиксация текста позволяет транслировать его звуковую и ритмическую структуру без аудитивного контакта. Знаменательно, что все проанализированные в докладе тексты О. Мандельштама, В. Набокова, И. Бродского, Н. Кононова и др. имеют дополнительную вертикальную или горизонтальную дискретность. Это значит, что сама форма письменной фиксации текста оказывается «знаком» способа его чтения: для внутреннего слуха, или для глаза, который всегда «вовне» (И. Бродский).

Идею о динамике форм поэтическое/прозаическое развил в своем докладе **«Фолкнер и Платонов: смыслы изобразительных совпадений»** д.физ-мат.н., писатель **В.В.Аристов** (Москва). Прибегая к известному методу *idem-forma*, он осуществил поиск инвариантов изображения в произведениях А. Платонова и У. Фолкнера. Ученый сопоставил роман «Шум и ярость» и повесть «Котлован», написанные почти в одно и то же время, по некоторым структурным параметрам. В.В. Аристову удалось обнаружить существенные структурные соответствия между этими произведениями, которые особенно эксплицитны на границах перехода прозаическое/поэтическое.

Затем слово было предоставлено профессору **А. Маймескулов** (Быдгощ, Польша), которая назвала свое выступление **«Жизнь – сумма мелких движений [...] меняющийся каждый миг рисунок...»: «Эклога 5-я: (Летняя)» Иосифа Бродского**. Польская исследовательница отметила, что 1-я часть «Эклоги 5-ой: (летней)» реализует жанровый признак эклоги в топосе *loci amoeni* («приятный уголок»), принимающем, в частности, в европейской литературе вид цветущего луга как образа земного рая. *Locus amoenus* в «Эклоге» Бродского образует динамически противоречивую модель коэкзистенции флоры и фауны как социума, включая речевую коммуникацию, оформленную на уровне риторики по принципу «говорящей прозопопеи».

Заседание **«Художественный текст в когнитивном аспекте»** открылся докладом профессора С. Туровской (Таллинн, Эстония). Ее выступление **«Нарративные эксперименты В. Сирина: стилизация под психоаналитический текст»** было посвящено компрессированной организации некоторых рассказов В. Сирина. В частности, было показано, что художественная поэтика рассказа «Хват» построена на амальгамической технике, охватывающей как фрагменты работ Фрейда и его учеников, так и публицистическое творчество самого Сирина. Доклад к.ф.н. **Н. М. Азаровой** (Москва) **«Открытость поэтического текста для философского комментария»** был посвящен анализу философских комментариев XX-XXI вв. к поэтическим текстам, в которых поэтический текст в интерпретации философа предстает как некая ипостась собственно философского текста. Происходит постепенное отождествление Я-философа с Я-комментируемого поэта, а поэтические метафоры превращаются в поэтико-философские или собственно философские концепты. В конце выступления был подробно проанализирован комментарий А. Бадью в книге «Век» (2005), опирающийся на стихотворение О. Мандельштама «Век».

В докладе д.ф.н. **А.Д. Шмелева** (МПГУ, ИРЯ РАН) **«Петербургский текст» на фоне русской языковой картины мира** в дополнение к понятию "языковая картина мира" (понимаемая как совокупность нетривиальных презумций, повторяющихся в значении различных единиц данного языка) было введено понятие "картина мира текста" (совокупность нетривиальных презумций данного текста). Ученый рассмотрел картину мира "петербургского текста русской культуры" и обнаружил ряд ее отличий от русской языковой картины мира, характерной для литературного стандарта. Так, в русской языковой картине мира одинаково представлена как любовь к большим открытым пространствам, так и к небольшим помещениям, отгороженным от внешнего мира (*уют*), тогда как в "петербургском тексте" нет места *уюту*. Традиционно русским приписывается

такая черта, как хлебосольтво, но в "петербургском тексте" *хлебосольтво* практически не представлено (и даже само сочетание *петербургское хлебосольтво* звучит странно). Затем слово взяла д.ф.н. **М.В. Ляпон** (ИРЯ РАН). Она представила доклад «**Антипатия к стереотипу: две когнитивные стратегии М. Цветаевой и И. Бродского**», в котором парадоксальные конструкции М. Цветаевой и И. Бродского были осмыслены как отпечаток в тексте глубинной ментальной потребности разрушения стереотипов. В докладе д.ф.н. **И.А. Тарасовой** (Саратов) «**"Каждый бы подумал, как подумал Пушкин": когнитивные механизмы интертекстуальности**» была предложена когнитивная модель порождения интертекста, основанная на теории концептуальной интеграции М.Тернера - Ж.Фоконье.

Первое заседание второго дня «**Поэзия серебряного века: взгляд с рубежа XX-XXI веков**» открыл доклад д.ф.н. **И.С. Приходько** (ИМЛИ) «**Символистский словарь А. Блока как зеркало его поэтики**». Она отметила, что путь к познанию поэта-символиста – это создание его полного символистского словаря, который включил бы пластические предметные образы, динамические мотивы, пространственные мифологемы, цветовые эпитеты, мировоззренческие категории и концепты, культурно-мифологические и литературные образы (*Мировая Душа, Прекрасная Дама*), имена-идеи (*Данте, Гете, Вл. Соловьев*) и т.д. Естественно, что в организации этого словаря действует не алфавитный порядок, а другие иерархии и системы: бинарные оппозиции, синонимические ряды, семантически связанные образования (тезаурусы) и т.п. Самая важная проблема — это характер описания материала, которое должно включать такие моменты, как генезис образа, его жизнь в мировой и русской литературно-поэтической традиции, его значение и роль в системе символизма и в творчестве самого автора, его парадигматические и синтагматические связи. В докладе к.ф.н. **Л.Г. Пановой** (ИРЯ РАН) «**Поэзия Софии ... Вечной Женственности ... Прекрасной Дамы**» стихотворения символистов были рассмотрены с точки зрения инварианта — сюжета, типа героини, типа лирического героя, коммуникации и т.д. Была показана русская специфика – превращение Софии в религиозный культ и вызванная этим превращением перестройку поэтики. Перестройка, по мнению исследовательницы, затронула топику, символику, а также задала иерархию «София – поэт – читатель».

Основные положения доклада к.ф.н. **Л.Л.Шестаковой** (ИРЯ РАН) «**Формы представления слова в современной поэтической лексикографии**» были рассмотрены на фоне общего состояния писательской лексикографии последнего десятилетия. Было показано, что словари поэтического языка демонстрируют реализацию одного из значимых лексикографических принципов – множественности словарных описаний. Проанализировав характерные особенности современных авторских словарей, Л.Л.Шестакова показала, как они реализуются в «Словаре языка русской поэзии XX века» (руководитель проекта — В.П.Григорьев). По ее мнению, этот Словарь может служить примером расширения рамок традиционного авторского конкорданса до сводного конкорданса комментирующего типа, по ряду своих признаков приближающегося к объяснительному поэтическому словарю. К.ф.н. **И.Ю. Белякова** (Музей М. Цветаевой, Москва) в своем выступлении «**Динамика имен рельефа в поэтическом идиолекте М. Цветаевой (на материале «Словаря поэтического языка М. Цветаевой»)**» проанализировала «поведение» единиц класса имен рельефа на разных этапах развития идиолекта поэтессы.

Заседание «**Современный художественный дискурс и проблема идентичности автора**» плавно переросло во второе заседание этого цикла «**Динамика прозаического текста**». В докладе профессора **А. Ковача** (Будапешт, Венгрия).«**Метафора, рассказ и субъект дискурса**» было обосновано понимание метафоры дискурса как некой новой

категории, возникшей в результате столкновения с той парадигмой, в которую вписывает предмет культура, а также с той категорией, которую открывает непосредственный читательский опыт. Метафора в наррации возбуждает мысль, принуждая мыслящего человека искать и находить новые аналогии там, где они не предполагались на базе знаний.

В докладе профессора **Е. Фарыно** (Варшава, Польша) «**Динамика миметическая и динамика моделирующая**» впервые на конференции была высказана мысль о трудностях применения категории «динамика» к исследованию литературного произведения. Динамичны / статичны, по мнению Фарыно, могут быть только те виды интенциональной деятельности, носители которых обладают собственной изменчивостью и способны обратить ее в средство отображения некоей внеположной им динамики или в дифференциальный признак, нагруженный смысловозначительной функцией. В самом же языковом материале динамизирующие возможности очень скудны. Это, в частности, активизация безразличной в языке длины слов (цветаевское «*сверхбессмысленнейшее*» слово), усеченные глагольно-междометные формы (*толк, щелк*), артикуляционное напряжение (типа цветаевских «*вз-/вс-*»), вариативная парадигматизация (типа хрестоматийного хлебниковского «*Заклятия смехом*»: «*О, рассмейтесь, смехачи! О, засмейтесь, смехачи!*»).

Следующие два доклада были посвящены грамматике текста. Д.ф.н. **Г.А. Золотова** (ИРЯ РАН) в докладе «**Грамматика композиции**» высказала мнение, что функционально-коммуникативная грамматика, в развитие идей В.В. Виноградова, разработала систему понятий, способных служить инструментарием в работе с текстовыми структурами. Затем были представлены аппарат и опыты анализа стихотворных и прозаических текстов. В докладе к.ф.н. **Н.К. Онипенко** (ИРЯ РАН) «**Грамматика категории лица в литературных дневниках**» были продемонстрированы возможности коммуникативно-текстового подхода к грамматической категории лица. В основу была положена модель субъектной перспективы высказывания, которая позволяет на единых основаниях интерпретировать русские синтаксические конструкции в условиях Я-дискурса.

К.ф.н. **Е.М. Лазуткина** (ИРЯ РАН) в своем докладе «**Динамика концепта СВЕТ в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»**» показала, что текстовая метафора романа – это когнитивная схема «свет – жидкость, свет льется», которая формирует вертикальный контекст. Действие света, по мнению докладчицы, сопровождает все изгибы сюжетной линии как сигнал авторского модуса, как ключ, врученный М.А. Булгаковым для прочтения романа. В докладе д.ф.н. **М.Ю. Михеева** (МГУ) «**Повтор мотива в "Записках юного врача" Михаила Булгакова**» были рассмотрены повторяющиеся в цикле рассказов Булгакова мотивы и был сделан вывод о их роли в целостной композиции цикла.

Заключительные два доклада совмещенного заседания были посвящены анализу языка прозаических произведений последних лет. В программном докладе «**Литературно-языковые стратегии прозы рубежа XX-XXI веков в контексте споров о состоянии современного русского языка**» профессор **И. Лунде** (Берген, Норвегия) заметила, что уже второе десятилетие ведутся жаркие споры о состоянии современного русского языка. Она остановилась на том, как реагирует на языковую ситуацию, и, в частности, на дискуссии о языке, художественная литература. И. Лунде проанализировала два романа: «Кысь» Т. Толстой и «Голубое сало» В. Сорокина. Особое внимание было уделено тому, как в этих текстах исследуется ситуация одновременности различных языковых и культурных пластов. Художественное произведение, заключила И. Лунде, не обсуждает тематику языковой ситуации прямо, а касается ее косвенно, причем нередко в новой, неожиданной манере, потенциально наделяющей читателя новым взглядом на вопрос. Разговор о состоянии современного литературного процесса продолжила доктор **Г. Денисова** (Пиза,

Италия) в докладе **«Пародирование или клонирование? К вопросу об идентичности современных писателей»**. В ее выступлении речь также шла о современной русской прозе рубежа XX-XXI столетий, и прежде всего о тех ее свойствах, на которых некоторые авторы пытаются выстраивать свою стратегию успеха.

Вечернее заседание второго дня **«Оппозиция стих/проза и обратимость текста»** началось с выступления к.ф.н. **А. В. Гик** (ИРЯ РАН) **««Картонный домик» в стихах и прозе М. Кузмина»**. Она проанализировала структурные особенности прозаического и поэтического текстов, рассмотрела типы языковой переплавки исходного дневникового текста в одном и другом произведении, а также выяснила, насколько отбор изображенных фактов зависит от выбора художественной модели. В докладе д.ф.н. **В.А. Плунгяна** (ИЯЗ РАН) **«Неканоническая силлаботоника: к динамике разрушения традиционного метра»** была предпринята попытка продемонстрировать, что понимание метрической природы дольника должно быть тесно связано с анализом причин разрушения традиционной силлаботоники, к концу XIX века, по-видимому, исчерпавшей потенциал эстетической новизны. Была предложена более дробная классификация форм дольника, включающая логэдический дольник, классический дольник и расшатанный дольник (форма, переходная к тактовике). В сообщении д.ф.н. **Л.Н. Рягузовой** (Краснодар) **«Палиндром, или принцип обратимости в текстах В.В. Набокова»** было показано, что взаимоотражение крайних точек мысли, "обратимость" образов, наоборотное прочтение тематических оппозиций (фраз, слов) составляет характерную черту художественного мышления Набокова. Прием изображения явлений в единстве противоположных начал, объединяющих «поту-и посюсторонность», в метафорической символической писателя получает различные номинации: "обратной перспективы", "наоборотного совпадения", "пржектора обратного осмысления". Доклад к.ф.н. **О. И. Фояковой** (Санкт-Петербург) **«Палиндромы как афористическое выражение духа времени»** продолжил тему обратимых поэтических образований. **С. В. Чертков** (Москва) в докладе "Бродский и Рейн: статистика в действии" на примере анализа некоторых утверждений И. Бродского о поэтике Е. Рейна продемонстрировал методики выявления особенностей авторских стилей.

Первое утреннее заседание **21 мая** было посвящено теме **«Многообразие форм представления художественного текста»**. Оно открылось докладом профессора **Дж. Янечека** (Лексингтон, США) **«Музыкальные процессы в творчестве Е. Мнацакановой»**, в котором речь шла о применении в поэтическом тексте сугубо музыкальных структур: мотивного (паронимического) развития и полифонических форм. Американский профессор отметил, что паронимия встречается и в традиционном стихосложении, однако начиная с Хлебникова, она занимает особое место в поэтическом творчестве современных поэтов, в особенности, у Мнацакановой. В ее «Реквиеме» и других произведениях каждый звуко-смысловой мотив развивается точно согласно музыкальным принципам, но в манере, уникальной для этой поэтессы. К области полифонии Дж. Янечек относит тексты, в которых их части с разным содержанием читаются одновременно, по принципу «ансамбля» в опере. Он отметил, что существуют два подхода к воспроизведению подобных структур: это либо «саунд-поэзия», когда произведение создается в форме аудиозаписи с множеством параллельных голосов, либо произведение, задуманное, главным образом, как печатный текст или партитура для исполнения, что мы и наблюдаем у Мнацакановой. В «Реквиеме» Мнацакановой, считает Янечек, есть места, где полифоническое чтение возможно (но не обязательно), но, к примеру, в «Das Buch Sabeth» полифония занимает центральное место: эту поэму можно считать большой симфонией или сюитой в стиле барокко.

В докладе **"Зукописьмо Георгия Спешнева"** доктор **С. Бирюков** (Галле, Германия) представил некоторые грани творческих поисков Георгия Спешнева (1912-

1987), писателя, который при жизни не напечатал ни строки. На примерах из практики Спешнева и его теоретических установок докладчик показал, насколько глубоко этот автор был связан с историческим авангардом и прежде всего с Хлебниковым. Подобно Хлебникову Спешнев видел в слове сущность. Это видение подвигало его к поиску новых сближений слов, а также "нового правописания". Его звукописьмо было направлено на преобразование поля словесности из "молчащего" в звучащее.

В основе доклада **«Стихотворение Владимира Казакова «Репетиции» (1961): версификация как цирк»** к.ф.н. **И.Е. Лощилова** (Новосибирск) лежал анализ текста, который вписывается в традицию художественного осмысления циркового искусства в качестве метафоры поэзии. Само название стихотворения, мотивируемое театрально-цирковым топосом, через латынь (*repetitio* 'повторение', *repeto* 'снова устремляться; вновь начинать, повторять; считать началом; возвращать себе') корреспондирует к исходным значениям ключевых понятий искусства поэзии: "стих" по-гречески значит "ряд", его латинский синоним "versus" значит "поворот", возвращение к началу ряда. Темой доклада профессора **Е. Дузе** (Дикинсон, США) была идея креативности разговорного языка в творчестве поэта-концептуалиста **Л. Рубинштейна**. Уникальность таланта Рубинштейна связана с его двойственностью: выявляя ущербность и неадекватность позднесоветского языка, поэт на том же языке создает стихи, передающие сложный онтологический опыт и имеющие метафизическую составляющую. Понимая языковое творчество не как привилегию особых личностей, а как способность каждого человека («человек говорящий есть человек творящий»), поэт заимствует для своих стихов стратегии, присущие устной разговорной речи, в частности, стратегию эмоционального вовлечения собеседника. Заседание завершилось докладом к.ф.н. **З.Ю.Петровой** (ИРЯ РАН) **«Динамика поэтической картины мира И.Бродского»**, в котором была рассмотрена эволюция семантических полей «Смерть» и «Любовь» в лирике Бродского.

Второе утреннее заседание 21 мая **«Словотворчество и свобода поэтического выражения»** открылось выступлением виновника торжества, д.ф.н. **В.П.Григорьева** (ИРЯ РАН). В своем замечательном докладе **"Светлое будущее "инговых форм" в русском поэтическом языке"** он обратился к статусу словотворчества в филологии, подчеркнув, что наш великий и могучий язык — также веселый, ироничный и насмешливый. Напомнив о таких фактах игры слов, как семейное *митинг - eating - чай пининг*, идиостилевое *тьфутинг*, жаргонное *шастинг*, новое беллетристическое *вининг* "пьянка", докладчик предложил (автоиронически!) ряд опытов класса *базаринг, басманинг, беспутинг, приколинг, пудринг, раздербанинг, распутинг, умапалатинг*, указав на нюансы "инга" в его соотношениях с *-изм, -ение, -ание, -ство* и др. Сопоставляя смыслы и перспективы онимов-новаций - юмора в "Хармсизм (и вопросы языкознания)", памфлета в "АнтиЖирилинг", горьковатой иронии в "амПутинг" и потенциалов бесчисленных "Церетелингов" и "Киркорингов" для деятелей СМИ, В.П. Григорьев обратил внимание на сочетание категорий предметности и процессуальности почти у всех слов на *-инг*; на то, что смысловые рамки этих виртуальных форм определит лишь практика употребления; а также на проблемы морфонологии (в частности, "ЮрМихинг", но едва ли "Лотманинг"). Вывод о том, что "инговое поветрие" способно охватить всю идеографию языка, не вызвал возражений у слушателей, активно дополнявших материалы и соображения докладчика.

Доклад д.ф.н. **Е.В.Падучевой** (Москва) **«Свобода поэта и поэтическая вольность»** развивал тему, затронутую в разговоре Пастернака с Мандельштамом, где Пастернак (по свидетельству Н.И.Харджиева) говорит: «Я завидую вашей свободе. Для меня Вы новый Хлебников. И такой же чужой». Докладчица проанализировала стихотворение Пастернака "Марбург", в котором обнаружились неоднократные сбои повествовательной формы: начало выдержано в повествовательном режиме, затем имеет

место переход в речевой режим с последующим возвратом в повествовательный, а через несколько стрóf снова переход в речевой режим. Главный пафос выступления Е.В. Падучевой состоял в том, рассматривать ли эти смены режима как недосмотр или как поэтический прием. Аргументом в пользу второго является не только различное семантическое наполнение разных отрезков, но и то, что границы режимов в ряде случаев совпадают с ритмическими границами, обозначенными сменой рифмовки (замечено К. М. Поливановым). В докладе д.ф.н. **Л.В. Зубовой** (Санкт-Петербург) «Поэтика «полуслова»» было рассмотрено интересное явление в современной поэзии — усечение слов до минимальных смыслоразличимых элементов, которые по-особому встраиваются в структуру стиха, попадая в позицию рифмы и другие сильные позиции текста. За счет минус-приемов поэтом достигается потенциальная открытость формы текста. В докладе профессора **М.Н. Эпштейна** (Эмори, США) «Анафраза: языковой феномен и литературный прием» было введено понятие анафразы, которое описывает перестановку слов во фразе и соответствующие трансформации ее смысла. Анафраза (ср. «анаграмма») — это фраза или любой отрезок текста, образованные перестановкой слов из другой фразы или текста, при соответствующем изменении их лексико-морфологических признаков и синтаксических связей. Затем анафраза была рассмотрена как продуктивный прием современной поэзии (например, у Г. Сапгира) и способ многомерного перевода иноязычных текстов («полифраз»). Профессор **И.В. Фоменко** (Тверь) в своем выступлении «Служебные слова и смыслообразование» убедительно доказал, что в художественном тексте служебные слова наиболее полно реализуют одновременно две функции: играя на уровне содержания роль «упаковочного материала», они активно участвуют в смыслообразовании. Поскольку художник слова, как и любой носитель языка, употребляет служебные слова преимущественно интуитивно, то независимо от воли писателя они с возможной полнотой закрепляют и «материализуют» авторское ощущение отношений в мире (структуры мира).

В тематическом цикле «Поэтика орфографии и пунктуации» большой интерес вызвал доклад **С.Л. Ивановой** (Москва, Лос-Анджелес) «Поэт и чернь: знаки препинания». В нем были рассмотрены правила расстановки знаков препинания с двух разных точек зрения: создателей системы, которая поэтом может восприниматься как его сдерживающая, и автора, ищущего способа воплощения своей интонации. Докладчица продемонстрировала разные случаи преодоления поэтом системы, навязываемой ему правилами («чернью»). Она показала, что знак препинания может комментироваться — от словесного дублирования до пояснения, фактически знак отменяющего; знак может предполагаться контекстом, но не быть реализованным; может происходить и озвучивание знака препинания. В конце выступления были приведены также примеры редакторского вмешательства, соответствующего пунктуационным правилам, но враждебного авторской воле.

Профессор **А. Б. Пеньковский** (Москва) в своем докладе «Об одном игровом нарушении орфографической нормы у Пушкина» рассмотрел отступающее от общепринятого стандарта написание фамильного имени княгини Евдокии Ивановны Голицыной в двух беловых автографах известного стихотворения 18-летнего поэта «Краев чужих неопытный любитель...». Он заметил, что воспроизведенное без комментариев в первом большом академическом издании и понятое как чисто графическое явление в ряду обычных пушкинских вариантов, непоследовательно отражающих русское литературное аканье и характерную для французского письма геминацию согласных, оно было без объяснений снято и приведено к современной письменной норме в малом академическом десятитомнике: «Но я вчера Галлицыну увидел...» ⇒ «Но я вчера Голицыну увидел...». Вопреки такому пониманию, а также вопреки предложенной

комментаторами второго большого академического издания чисто формальной квалификации этого написания как обратной русской транслитерации французского написания фамильного имени княгини: Г[а]ллицына ? Gallitsin ? Галлицына, автор доклада, опираясь на парадоксальное соединение в образе этой яркой женщины крайнего русского патриотизма в духе Шишкова с франкофильской (галльской) ориентацией всего устройства ее жизни и сознания и — прежде всего — в отношении языка, предложил понимать пушкинское написание Галлицына как отражение осознанного преобразования фамильного имени княгини в результате паронимической аттракции корня –галл– . Эта крошечная деталь пушкинского текста заставляет видеть в нем не любовный пустячок, «посвященный А. И. Голицыной», а поразительной идеологической сложности художественное целое.

В своем выступлении профессор С. Гардзонио (Флоренция-Пиза, Италия) **«Итальянизмы в поэзии русского романтизма»** заметил, что включение отдельных итальянских слов отмечается во многих стихотворных произведениях русского романтизма. Итальянский профессор подчеркнул, что целью его сообщения не является полное описание данного явления. После краткого обзора оно сосредоточилось на анализе знаменитой макаронической поэмы И. Мятлева «Сенсации и замечания Госпожи Курдюковой за границею, дан л’этранже», в которой итальянизмы сопровождают главный массив галлицизмов и других варваризмов и в которой можно уловить некоторые типологические характеристики итальянизмов в русской поэзии. В заключение С. Гардзонио отметил, что пока не доведена до конца работа по описанию и интерпретации многочисленных русских романтических поэтических текстов итальянской тематики (Норова, Кукольника, Григорьева и др.), однако уже из анализа жанрово-специфического сочинения Мятлева с очевидностью вытекает, что итальянский язык оказался в то время живым элементом русского поэтического дискурса и именно шутивно-сатирический характер *«Сенсаций и замечаний»* есть свидетельство его не простого, а двойственного, неоднозначного применения.

Доклад к.ф.н. Е.А. Ивановой (РГГУ) **«Идеи Реформатского и расширенное понимание пунктуации»** был посвящен семиотической концепции научного учителя В.П. Григорьева – А.А. Реформатского. Материалом для доклада послужил все еще малоизвестный современным лингвистам ранний труд Реформатского «Техническая редакция книги». Было показано, что согласно развитой в этом труде теории у печатного текста есть три уровня организации – собственно смысл, его внутреннее оформление и внешнее воплощение. Е.А. Иванова рассмотрела проблемы номенклатуры графических знаков, принципы их сочетаемости и особенности функционирования графической системы. В заключение она подчеркнула возросшую актуальность концепции Реформатского в эпоху компьютерной полиграфии и электронных изданий.

В докладе д.ф.н. Н.А. Богомоллова (МГУ) **«Заглавие как семантический комплекс: опыт Ходасевича»** была прослежена эволюция называния стихотворений у В.Ф. Ходасевича в соотношении с системой заглавий крупнейших русских символистов: Блока, Брюсова, Бальмонта, А. Белого, Вяч. Иванова и др. Результаты исследования показали, что в первой книге стихов «Молодость» (1908) Ходасевич полностью ориентировался на заглавия поэтов символистского лагеря; вторая книга «Счастливый домик» (1914) делится на две части: первые два раздела, где господствует та же система, и третий, где используются принципиально иные наименования. В третьей книге «Путем зерна» (1920, 1922, 1927) на первый план выходят заглавия оригинальные, связанные с частной жизнью поэта или иными источниками, чем символистская поэзия. В книге «Тяжелая лира» (1922-27), падает доля озаглавленных стихотворений, а названные снова начинают вписываться в прежнюю систему номинации.

Доктор **Ю. Пярли** (Тарту, Эстония) в докладе **«Стратегии имени собственного в художественном тексте»** на примере вышедшей в Эстонии в 2003 г. книжки русских детских рассказов о Ленине, снабженной пародийным послесловием эстонского писателя А.Кивиряхка о восприятии имени и образа Ленина последним поколением воспитанников советской школы, продемонстрировала, как текст, построенный вокруг известного исторического имени, перегруженного коннотациями, формирует в итоге свое смысловое пространство в зависимости от опыта и знаний каждого конкретного читателя.

Заключительное заседание третьего дня **«Визуальное представление текста и современные художественные технологии»** открылось докладом искусствоведа, художницы и поэтессы **А. А. Альчук** (Москва) **«Созидательная деструкция А. Крученых»**. В нем были проанализированы причины актуальности А. Крученых для современной культуры, а именно, близость творчества поэта компьютеризованному, ориентированному на визуальное измерение сознанию современного человека. В докладе **«Название vs изображение: вербальная идентификация в искусстве XX века»** доктор искусствоведения **Н.В.Злыднева** (Институт славяноведения РАН) рассматривала динамическое соотношение названия произведения изобразительного искусства и изображения. Являясь компонентом поэтики произведения, название образует с изображением интермедияльное отношение. В искусстве XX века отношение «название vs изображение» осциллирует между двумя крайностями: от предельной нейтрализации названия («Без названия») до определяющей роли вербального компонента («Джоконда» Магритта). Для сюрреализма и постмодернизма характерна игровая функция названия с образованием идиом, переключением кодов и совмещением идентифицирующей и репрезентирующей функций изображения (Лук at this). В докладе **Ю.Л. Гика** (Москва) **«Идеология и тематика мэйл-арта (на материале названий выставок и лозунгов со штампов)»** было показано, что мэйл-арт имеет тематическую и идеологическую структуру. В докладе к.ф.н. **Т.Ф. Семьян** (Челябинск) **«Руины текста» (Компьютерные приемы в визуальном облике современной прозы)»** была затронута проблема изменения визуальных стратегий построения текстов и их усложнения в результате развития компьютерных технологий. Приёмы компьютерного набора разрушают привычный вид прозаического текста, вследствие чего рождаются новые смыслы и новые отношения между текстом и читателем, появляется новая семантическая структура.

Заключительный день конференции 22 мая был почти целиком посвящен творчеству Велимира Хлебникова — поэта и мыслителя, который все время стремился к расширению пространства поэтического языка. Он проходил по девизом слов В.П. Григорьева о Будетлянине: «Мир Хлебникова сложен и прост в одно и то же время, как и его язык, его «самовитое слово», как и огромный мир, его окружавший». Первое заседание **«Хлебников и футуристический текст»** открыл академик РАН **Вяч. Вс. Иванов** (Москва, Лос-Анджелес). Он поздравил В.П. Григорьева с юбилеем и отметил его большой вклад в изучение творческого наследия В. Хлебникова. В своем докладе **«О строении «Досок судьбы» В. Хлебникова»** **Вяч.Вс.Иванов** проанализировал жанр этой «заповести», включающей стихи, научную прозу, таблицы (хронологические и числовые), «стихи из чисел», наличие в тексте автобиографических элементов (связанных с предвидением собственной смерти). Академик соотнес некоторые основные темы и выводы Будетлянина (отсутствие времени как реальности; роль числа 11 как меры измерений, образ струн или сверхструн) с естественной наукой последних лет.

В докладе д.ф.н. **Ю.Б. Орлицкого** (РГГУ) **«Гетероморфный стих В. Хлебникова»** был предложен принципиально новый подход к описанию стиховой системы поэта; наряду со стихотворениями, написанными традиционными силлаботоническими и тоническими размерами, а также свободным стихом особое место в его репертуаре занимает т.н.

гетероморфный (т.е. принципиально неупорядоченный) стих, каждая из строк которого, а также их небольшие объединения могут быть описаны как принадлежащие к определенному типу стиха, однако стихотворение в целом характеризуется именно переменной ритмической природой.

Д.ф.н. **О.А. Лекманов** (МГУ) в своем докладе «**О двух стихотворениях О. Мандельштама и Н. Заболоцкого**» поставил вопрос о том, каков был сиюминутный повод к написанию «Стихов о неизвестном солдате» О. Мандельштама. Как представляется О.А. Лекманову, «Стихи..» Мандельштама стали откликом на стихотворение Н. Заболоцкого «Война войне».

Д.ф.н. **Н. Н. Перцова** (МГУ) в докладе «**О «сверхповести» В. Хлебникова «Лев»**» исследовала материалы к незаконченной «сверхповести», над которой в 1916 – начале 1917 г. работал В. Хлебников. Как свидетельствуют архивные записи, она должна была состоять из двух соположенных крупных частей – «Лев» и «Ка²», или «Ка обратный» (копия «Ка²», выполненная Д. Петровским в начале работы над этим текстом и печатавшаяся в собраниях сочинений Хлебникова, не отражает в полной мере замысел поэта). Обе названные части включали стихи и прозу; для обеих можно определить набор входящих в них текстов. Н.Н. Перцова предположила, что для части «Лев», в отличие от «Ка²», можно с большой вероятностью реконструировать также последовательность его составляющих.

Вторую часть программы этого дня открыл доклад профессора **К. Соливетти** (Рим, Италия) «**Лингвистические теории В. Хлебникова и когнитивистика**». Данное исследование продолжает её статью «Лингвистические прозрения Хлебникова» («Russian Literature», 2004), в которой была выдвинута гипотеза о близости языковедческих построений поэта идеям современной когнитивной лингвистики. В подтверждение этой гипотезы автор доклада рассмотрела семантические корреляты, сопоставляемые в статьях и набросках Хлебникова буквам кириллического алфавита и пространственным предлогам русского языка. В обоих случаях она обнаружила явные параллели с исследованиями языковых прототипов в когнитивистике. В докладе профессора **В. Вестстейна** (Амстердам, Нидерланды) «**Тема «моря» в произведениях В. Хлебникова**» была показана многомерная реализация мотива моря в произведениях В. Хлебникова. Особый акцент в докладе был сделан на связях понятий «море – свобода» и «море – смерть». Соотношение «море-смерть» выводимо, по мнению Вестстейна, не только из художественных текстов, но и из собственно языковой теории В. Хлебникова. За счёт своего фонетического состава слово *море* попадает в семантическую группу слов, которые соотносятся с болезнями, смертью, голодом, холодом, обманом: *мор*, *морочить*, *морищаться*, *мороз*, *мертвец* и т. п. Но для Хлебникова море еще и конкретное живое существо, способное на человеческие действия и чувства, к тому же оно оказывает непосредственное влияние на настроение и состояние лирического Я.

В докладе к.ф.н. **В. В. Фещенко** (ИЯЗ РАН) «**Жизнь как текст. Опыт динамического подхода к творчеству В. Хлебникова**» был поставлен вопрос о возможности принципиально динамического подхода к личности Велимира Хлебникова и динамического подхода к его творчеству. Он решался исследователем в рамках проблемы взаимоотношения «Жизнь как текст и текст как жизнь» и поиска соответствия между житнетворчеством и языкотворчеством. Предпосылки динамического подхода к Хлебникову он видит: 1) в биографической концепции Г.О. Винокура; 2) в отождествлении творения и творца у В.В. Кандинского; 3) в идее О.Э. Мандельштама о «соподчиненности порыва и текста»; 4) в динамической концепции текста как интегрального единства у Ю.Н. Тынянова. Принцип динамического подхода состоит в том, что в любом тексте автора, содержится в свернутом виде авторский стиль мышления и индивидуальная модель творчества. Поэт и физик **Б.Ф. Шифрин** (Санкт-Петербург) в своем докладе «**Поэтика странного в русском модернизме:**

от Хармса к Хлебникову», рассматривая дискурс странного в художественном процессе ретроспективно от Хармса к Хлебникову, сначала подверг анализу само понятие странного и определил его как психологический и текстологический феномен. Концепт странного, по мнению Шифрина, динамизируется поэтическим текстом: в нем выявляется связь со странствием, с иными странами, оттенок стороннего, возможность психологической инаковости мира. Затем докладчик привел конкретный пример того, как образ «крючков» в стихотворении Д. Хармса «Что это было?» помогает в понимании текста «Журавль» В. Хлебникова. Профессор **К. Ичин** (Белград, Сербия) в докладе «**Утопия Хлебникова и платоновский замысел идеального государства**» показала тот вклад В. Хлебникова, который он внёс в вопрос рецепции платоновского наследия в России. Платоновские понятия государства и законов встречаются в текстах поэта-мыслителя чуть ли не чаще других слов, будучи ключевыми в его философии.

Далее состоялся круглый стол «**Хлебников и филология XXI века**», который вели **В. П. Григорьев, Р. Вроон и Н. Н. Перцова**. Профессор Вроон отметил, что рукописное наследие Велимира Хлебникова представляет собой сложный комплекс словесных, изобразительных и цифровых материалов. Большинство его произведений не было издано прижизненно, поэтому приходится чаще иметь дело с черновыми текстами, извлеченными из разных тетрадей и папок бумаг, чем с завершенными произведениями. Эти черновики нередко содержат текстологически неразрешимые двусмысленности; более того, предлагаемые чтения лексем, определение порядка слов и даже текстовые границы являются предположительными. По мысли Вроона, целесообразно воспроизвести эти черновые материалы как можно точнее, с сохранением всей специфики рукописей, дабы специалисты могли ознакомиться со всеми вариантными чтениями текстов. Предметом основного обсуждения на Круглом столе была одна из важнейших рабочих тетрадей позднего Хлебникова — так называемый "Гроссбук" (РГАЛИ, ф. 527, оп 1, ед. Хр. 64). Его предполагаемые редакторы Н. Н. Перцова и Р. Вроон рассказали о своем совместном плане издания этой тетради, включающем факсимильное воспроизведение и транскрипцию, а также лингвистический, филологический, культурологический и реальный комментарий. В обсуждении этого проекта приняли участие В. П. Григорьев, Е. Р. Арэнзон, Н. В. Перцов, С. В. Старкина и другие.

В заключительной части конференции состоялись поэтические чтения. Сначала выступил поэт и исследователь авангардных текстов **И. Лоцилов**, который представил стихотворную композицию "**И птицы Хлебникова пели у воды**" по текстам В. Хлебникова и Н. Заболоцкого. Затем свои стихи на хлебниковские темы прочитал Председатель Академии Зауми, поэт-филолог **С. Бирюков**. В конце программы С. Бирюков вручил В.П. Григорьеву международную Отметину им. Отца русского футуризма Д. Д. Бурлюка, утвержденную Академией Зауми, и все собравшиеся еще раз поздравили юбиляра.

Л.Л. Шестакова, Н.А. Фатеева